

Александр Травников

**ЗАВТРА БУДЕТ
ПОТОМ**

Роман про
шпионов
Книга вторая

Александр Травников

**Завтра будет потом. Роман
про шпионов. Книга вторая**

«Издательские решения»

Травников А.

Завтра будет потом. Роман про шпионов. Книга вторая /
А. Травников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835504-2

Роман про шпионов Александра Травникова состоит из двух книг. Первая книга называется «Дом на Белорусском». Вторая — «Завтра будет потом». Так или иначе, части книги и отдельные главы были опубликованы ранее. Для пробы. Читатель потребовал продолжения. Так получился роман. Тема про шпионов — это всегда интересно. Особенно когда про это пишет тот, кто и сам лично видел самых что ни на есть живых шпионов в лицо.

ISBN 978-5-44-835504-2

© Травников А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Часть I. Психология шпионажа	11
Глава I. КГБ и его врата в Чистилище	11
Глава II. Израильская НАТИВа – лучший друг КГБ	13
Глава III. Национальная психология шпионажа	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Завтра будет потом
Роман про шпионов. Книга вторая
Александр Травников

© Александр Травников, 2016

ISBN 978-5-4483-5504-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Дом на Белорусском» – не более чем рабочее название романа про шпионов. Настоящее название книги – «ЗАВТРА БУДЕТ ПОТОМ».

Но это вначале так задумывалось. По факту получились две книги. Одна продолжает другую.

Первая книга называется – «Дом на Белорусском».

Вторая книга называется – «Завтра будет потом».

Но обе книги, части одного целого. Одного романа.

Почему именно так? Все весьма просто. Когда мы пришли в Дом на Белорусском, в котором в то время располагался один из филиалов Высшей школы КГБ СССР, все мы вдруг поверили, что у нас есть завтра. Правда, быстро выяснилось, что это завтра наступит потом.

Но если ты веришь в то, что это потом точно будет, то все становится вполне себе предсказуемым. По крайней мере, на ближайшие пять лет, это точно. Потом наступило ожидание другого завтра. Но что интересно. Пока все ждали это завтра, пока все ждали это мифическое потом, вокруг происходила масса событий, в которых приходилось быть не только очевидцем и сторонним наблюдателем. Все, что реально происходило в мире разведчиков и шпионов, оказалось, по факту гораздо ближе, чем можно было тогда предполагать. И мы тогда не предполагали.

Мы учились и делали свою работу. Когда прошло время, вдруг выяснилось, что всё это время мы находились в самой гуще событий. Сейчас, когда книга практически закончена, вдруг выяснилось, что и про это еще не написал, и про это не рассказал. Правда, сам текст книги сократился если не на две трети, то уж точно наполовину.

Эта недостающая часть, то, что мои друзья и бывшие коллеги повычёркивали из неё по тем или иным, объективным, и с моей точки зрения более субъективным причинам. Хотя, может быть мы смотрим на одну и ту же вещь, одно и то же событие с разных углов и точек зрения.

Но это как с луной. У неё есть видимая и невидимая стороны. Потому, зачем же лишней раз будоражить умы и фантазии. Я согласился оставить тот минимум, который сохранился. И на том спасибо. И так много чего осталось. Некоторые отрывки романа я опубликовал. С целью так сказать изучения общественного мнения и интереса. Интерес есть.

Более того. Встретил одного своего бывшего коллегу. Капитана первого ранга в отставке. Он теперь путешествует. По музеям ходит. Гидов разных слушает. Прочитал он некоторые отрывки романа из тех, что были опубликованы. И дополняет меня пересказом того, что ему в одном музее в Крыму рассказывали:

– Стой, – говорю. Обожди. Ты это читал? И даю ему прочесть то, что было размещено в сети пару месяцев назад.

– Точно! – отвечает. – Слово в слово!

Я обрадовался. Это хорошо, что читают. Плохо, конечно, что на источники не ссылаются. А с другой стороны – это и хорошо. Хорошо, что читают. Хорошо, что дополняют какими-то своими знаниями и верой в то, что так оно на самом деле и было.

Событие-то по факту было, а как и что происходило на самом деле, кто еще расскажет? Разве что в романе напишут. Тем более что вот оно – красноречивое подтверждение силы печатного слова и компьютерных сетей.

Любая информация, даже если это всего лишь часть романа, всего лишь его глава, всё воспринимается на веру. А уж если и словами потом передаётся, то всё. Истина в последней инстанции. Всё было именно так, и никак иначе.

Жанр второй моей книги «Завтра будет потом», роман – и это понятие условное. Как и всё в нашей жизни. Тем более что во всех романах про шпионов и разведчиков, всегда и всюду сплошная условность.

Поэтому, идя на поводу и читателей, Я просто решил писать этот роман так, чтобы каждую его главу можно было читать по отдельности или весь роман целиком, по порядку расположения глав в тексте.

Главное, чтобы интересно было. Ведь сам жанр романов про разведчиков и шпионов – это из разряда романов приключенческих. Приключения любят все. На это и рассчитываю. Будет ли потом продолжение? Посмотрим потом. Завтра!

С уважением, Александр Травников.

Пролог

Кажется, что всё только-только начиналось. Но прошло пять лет. Снова начинается всё опять, но другое. Только чтобы это другое наступило, вначале государственные экзамены.

Специфика Высшей Школы КГБ в том, что никаких написаний дипломных работ. Только государственные экзамены.

Самый простой, конечно, экзамен, лично для меня и моей подгруппы – иностранный язык. Особенно индонезийский. Мы на нём вполне свободно говорим, пишем, читаем, переводим. Тем более, что практика у нас была такой, что скорее русский легче забыть, чем индонезийский.

Да. Вы не ошиблись, читая такое. В один прекрасный день, удалось поймать себя на мысли в том, что я стал думать на индонезийском. И не мудрено. Месяц, когда ни слова на родном русском. Даже людей вокруг тебя нет, которые слышали хоть одно русское слово в жизни. Их родной язык – индонезийский. Ты живешь вместе с этими людьми, и весь день радио, телевидение, газеты, книги, разговоры. Обычная другая жизнь профессионального шпиона. Они не знают, кто ты. И оно им не нужно. Ты знаешь, кто ты и зачем здесь, и потому просто живешь другой жизнью и знаешь, зачем это тебе нужно.

Потому, сдать государственный экзамен по языку, это просто прийти и выполнить технический норматив. Перевести текст на русский. Перевести текст с русского на индонезийский. Послушать отрывок радиопередачи. Перевести на слух и записать перевод. Поговорить на индонезийском с теми, кто принимает экзамен, и тоже знает язык. Проще не бывает.

Смею и сейчас утверждать, что знание восточных языков полученных в Высшей Школе КГБ СССР, в Доме на Белорусском на порядок было выше, чем в Институте Стран Азии и Африки при МГУ, или Московском Государственном Институте Международных отношений МИД СССР. Проверенно жизнью. Проверенно ЦРУ.

Но это только у нас троих с языком на госах проблем не возникало. У нас троих из тех девяти, что остались из принятых пять лет тому назад именно на индонезийский язык.

С другими языками, конечно, было посложнее. Японский, китайский, корейский, вьетнамский. Это реально сложно. Пять лет все одно для них мало. Иероглифы опять же. Всё это безумно сложно.

В китайском языке – четыре тона. Во вьетнамском – шесть тонов. В японском кроме своих и китайских иероглифов и двух своих азбук – катаканы и хираганы, плюс ромадзи, еще и пишут сверху вниз и справа налево.

В корейском все тоже сложно. Тем более учили ребята классический корейский язык, где и своя азбука есть, и китайские иероглифы, и чтение текста обязательно с секундомером и чтобы без ошибок. В корейском ошибки недопустимы. Недопустимы, от слова совсем.

Для всех, кроме нас с индонезийским языком, иностранный язык – это сложный экзамен. Знаковый. Хотя, единицы потом и будут востребованы с языком по-полной. И то – если повезёт.

Специальность тоже все сдали на ура. Ничего сложного. Все привычно, опробовано и проверено на практике. Некоторые и сами могут дополнить теорию личным практическим опытом.

Ну и конечно самый обязательный для всех и всюду в высшей школе СССР экзамен – Научный Коммунизм. Экзамен – проще не бывает. Но весьма знаковый. Захотят, завалят по любому. Хоть ПСС Ленина наизусть выучи. Но и не сдать позволить экзаменаторам нельзя, если команды такой свыше нет.

Хотя и бывают случаи. Бывает так, что кое-кто совсем не собирается его сдавать и даже откровенно пытается завалить. Тогда коса на камень. И выкручивайся, как можешь. Это

раньше за это могли и посадить. Теперь времена другие. Родине нужны специалисты. Зря, что ли пять лет учились?

Пять лет, когда никаких забот, пролетели быстро. Теперь, когда будет сдан последний экзамен, для многих маршрут практически определён. Маршрут этот, грубо говоря, Москва-Мухосранск.

Реальность диспозиции следующая. К Москве привык. От Мухосранска отвык. И теперь ехать «знамо куда» по распределению некоторым не желается и не хочется. Однако и не сдать экзамены по языку и по специальности практически невозможно. Это просто глупо. Всё одно минимум тройку, но поставят. По принципу того, что мы вас знаем с хорошей стороны и тройку ставим вам из прошлых заслуг.

Зато на Научном Коммунизме можно попробовать. Ежу понятно, что не сдать Научный Коммунизм на государственном экзамене – это практически гарантия личной свободы. Без этого экзамена, только на гражданку. Никакой дальше службы. Потому, все знали историю, которая, то ли на самом деле когда-то произошла, то ли специально для нас придумана, не суть важно. Важно, что её повторили всем и каждому. Для примера и назидания вероятно доводили.

Излагаю в том виде, как она, история эта, запомнилась.

Узнал один будущий выпускник Дома на Белорусском, что ждёт его Советско—Китайская граница. Будет жить в тайге. Что там даже люди на перечёт. В общем, Бог знает, куда ему предстояло убыть по окончанию учёбы.

Парень он был смекалистый. Взял экзаменационный билет и ждёт своей очереди. Сидит. Мух по сторонам ловит. Дождался. Пришла его очередь. Предстал он перед многочисленной группой экзаменаторов, представляющих советское государство и органы. И смело так заявляет, что на первый вопрос билета у него нет ответа:

– А на второй? – спрашивают.

– Тоже нет ответа! – отвечает.

– А на третий? – интересуются.

– И на третий тоже не знаю, что ответить, – осмелев от своей собственной наглости, заявляет он.

Государственная экзаменационная комиссия начинает постепенно выходить из спячки и плавно перетекать и переходить в ступор непонимания происходящего. Однако не зря ветеранов приглашали на такие мероприятия в Дом на Белорусском. Старенький такой, бывший диверсант—разведчик, с десятком боевых орденов находчиво спас ситуацию:

– Ты сынок не волнуйся. Наверное, распределение у тебя в Тайгу? Из Москвы уезжать не хочется? Правда?

Экзаменуемый, как бы скромно потупившись, плечами едва дал знать, что так оно всё и есть.

– Ты хоть знаешь, кто у нас в стране является Генеральным Секретарём Коммунистической партии Советского Союза? – спрашивает почётный член госкомиссии.

– Не помню! – опять вернув свою храбрость и стремление следовать выбранному курсу дурака заявил экзаменуемый.

– Ты не волнуйся так, попытался успокоить его бывший диверсант.

Давай я тебе помогу. Бре...

– Да не помню я! – продолжил настаивать на своём экзаменуемый.

– Ну что ты? – улыбнулся экзаменуемому бывший смершевец и коллега разведчика-диверсанта.

И тут же подсказал:

– Бреж-Нев! Правильно?

– Ну, Брежнев, – нехотя подтвердил экзаменуемый.

– Во! Молодец! Правильно! Брежнев! Леонид Кириллович!

– Да нет! Брежнев – Леонид Ильич, а не Кириллович! – почти возмущенно забывчивостью орденосцев поправил его экзаменуемый.

Всё! Участь экзаменуемого была в мгновение ока решена. Переглянувшись между собой и заулыбавшись, комиссия порешила поставить ему четыре. Так что от судьбы не уйдёшь.

Участь всех нас была решена в эти недели. Потом была мандатная комиссия. Потом получение офицерской формы. Потом была Красная площадь. Погоны лейтенанта КГБ СССР. И, как обычно, полная неизвестность.

Кто же знал, что уже через восемь лет не будет СССР, а через десять лет, в 33 года я стану начальником управления. В любую революцию всегда так. И взлёты и падения. Не угадаешь. И верно только то, что всё это будет только завтра.

И это завтра будет потом.

Часть I. Психология шпионажа

Глава I. КГБ и его врата в Чистилище

Не верьте тому, кто скажет, что в КГБ мог попасть любой желающий. Вовсе нет. Был жесточайший отбор. Только не придумывайте заковыристых проверок и коварных вопросов на детекторе лжи, или чтения по глазам. Все было гораздо проще. Намного проще.

Первый барьер, который следовало преодолеть, это барьер здравого смысла. Его то и было труднее всего форсировать. Примените метод банальной эрудиции, и оглянитесь по сторонам. Сделайте это, и вы увидите, как много тех, кого неприятности прямо-таки притягивают к себе. Или наоборот. Те, кто эти самые неприятности притягивают к себе. То есть у некоторых и у неприятностей взаимная тяга друг к другу. Прямо таки магнетическая сила взаимодействия. И это всё. Дальше путь заказан. Овчинка выделки не стоит. Это стоп лист.

На следующем этапе, когда всё вроде бы хорошо, тебе зададут совершенно простецкий вопрос:

– Татуировки есть?

Если есть, то учить никто не будет. Не возьмут учить.

Есть тут конечно тонкость между терминами – учить и готовить. Если надо, то возьмут и того, кто с нужными татуировками. Подготовят, натаскают. Но это по случаю. По случайности. Для конкретного случая. И если нужно, у того, кого выучат, татуировки сделают. Только это у того, кто действительно нужен, и для конкретного дела. Но это как говорится, для особого случая. На один раз.

Для профессионала никаких татуировок. Никаких особых примет. Это системный отбор. Это принцип. Естественно, дело всем найдётся. Но в Высшую школу КГБ СССР не возьмут.

Логика здесь простая. Это помимо всего, еще и признак гордыни. Конформизма. Признак подверженности влиянию и моде. Признак желания выделиться и покрасоваться. Потому, скромность и сдержанность – вот критерий отбора. Причём всё это происходит до того, как тебе предложат продемонстрировать твои физические качества. До того, как допустят до турника подтянуться. Или засекут время, и ты покажешь свой результат на коротких и длинных дистанциях.

Так, что врата, через которые предстояло войти в чистилище КГБ, вовсе не были такими уж и непроходимыми. Просто здесь никогда не допускалось сослагательное наклонение. Либо – ДА, либо – НЕТ. Двоичная система. Простая. Понятная. Но не для всех это препятствие было проходным.

Третье препятствие, которое следовало преодолеть на пути в Высшую школу КГБ – это то, что о тебе думают окружающие. Субъективен, безусловно, этот критерий. Но тебя должны были точно знать. Знать хорошо. Причём не менее года. И что о тебе скажут и кто, ты не узнаешь никогда. Уже потом, когда тебя возьмут, или нет, всё это исчезнет. Совсем исчезнет. Ты узнаешь только последствия этой проверки и отбора. Причём ты узнаешь это, только в том случае, если тебе скажут да. И то, потом. Просто как результат.

Правда, нет, и не было правил без исключения. Но это особый случай. И о нём отдельный разговор. Разберём после.

И только когда ты преодолеешь эти три ступени отбора, тебя отправят проходить медкомиссию. Исключительно свою. Причём до того, как тебя направят на учёбу.

Какое это по счёту препятствие? Четвёртое? Ну, оно то и не самое сложное. От тебя мало что зависит. Тут как повезёт. Кругом сплошной и чистый прагматизм. Опять и снова двоичная

система. ДА? Или, НЕТ? И такой ответ должен дать каждый врач. И достаточно было одному усомниться в чём-либо, всё. Как говорится, не в этой жизни. Не в этот раз. И другого не будет.

Хотя логика в этой отдельной медицинской комиссии КГБ была. Мало ли куда ты еще поступать пойдёшь. Зачем крест на человеке ставить? И более того. Ни слова за пределы организации. Ни единого слова. Что в рамках чистилища, то в нём и должно остаться.

Конечно отдельный разговор, это психолог и психиатр. Но Вы бы их видели. Страшные люди. После двадцатилетней практики сложно их внешне отличить от их же пациентов. Зато, их слово – решающее. Есть сомнения? Это тоже всё не в пользу кандидата.

Вот когда, казалось бы, всё, тогда и начинается поиск скелетов в шкафу. И эти скелеты в каждое время свои. В моё время самые страшные скелеты в этом самом шкафу – это родственники за границей и родственники среди тех, кого защищала и опекала израильская НАТИВа.

Глава II. Израильская НАТИВа – лучший друг КГБ

Пятый критерий (как и пятая графа) был важным критерием отбора в Высшую Школу КГБ СССР. Для многих – барьер просто непроходимый по определению.

Это только сейчас выясняются подробности и детали строгости этого отбора. Но, как известно, практика – критерий истины. И что нам говорит практика? Практика говорит о том, что всё очень сложно. Весьма сложно. Архи сложно. На первый взгляд глупо. Но это потому, что непонятно. Да и принципу интернационализма и классовой солидарности трудящихся противоречило.

Посудите сами. Обращается ко мне мой друг с просьбой помочь его родному брату. Брат у него живёт в Израиле. Давно живёт. Успешен. Воспитанный на русской классической литературе в СССР, он не сумел преодолеть тягу к писательству. Потому написал роман на русском языке и хочет его издать в России.

– Давай, – говорю. – Почитаем.

Прочитал сам. Дал другим. Читабельно. И вполне. Наверное, будет интересно. Израиль сегодня – это, возможно, вторая в мире русскоязычная литература после России. Но вот в чём фокус и сермяжная правда жизни.

Мой друг и товарищ – не выездной. Совсем и без шансов. То есть, он никогда не сможет уехать из России. Ни при каких условиях. И загранпаспорт ему не дадут тоже никогда. Издержки выбора профессии.

Мы с Александром (назовём его так) мало того, что вместе учились в Высшей Школе КГБ СССР, так еще и в одно и то же время, на одном и том же факультете, на одном курсе, в одной группе, в одной подгруппе, в которой нас осталось при выпуске всего четыре человека из десяти принятых.

Дружим и общаемся мы с ним до сих пор. Правда он телефоны меняет все время. И появляется всегда неожиданно.

Но вот вопрос. Вы уже догадались какой? В Израиль выезжали и выезжают только евреи. В советские времена вообще только евреи. Арабы за это всегда на нас обижались и обижаются. И всё же. Как? Как, если столь строг был отбор по родственникам и по происхождению.

И вот Вы думаете, а причём здесь НАТИВа? Какую роль во всём этом играет эта израильская спецслужба? И какое отношение ее к этому всему? Да самое что ни на есть непосредственное. И даже роль важную играет.

Однако для начала в двух строчках о том, что такое НАТИВа, о которой если кто и знает что сегодня, так это то, что Яков Кедми, друг известного теле- и радио-ведущего Владимира Соловьева и директора института Ближнего Востока, Евгения Сатановского (Армагедоныча). Кстати, Кедми, он же Яков Иосифович Казаков, из Москвы. Но это так. К слову.

Вот обратите внимание на детали. Среди моих друзей и бывших коллег по цеху, я не встречал тех, кто слово КГБ произносит по слогам, как кА—ге—бе, или кА—гэ—бэ. Всегда первый слог произносится – Кэ.

– Деталь! Мелочь! – скажете.

Да это как посмотреть. Вот и здесь тоже. Лично Я всегда пишу НАТИВа. А кто в теме и в курсе, что это такое (например, носители иврита), всегда норовят сумничать и потому говорят и пишут – НАТИВ. Они и сами этого не замечают. Зато, заметив, начинают оправдываться, даже, если их об этом никто не просит. Или настойчиво внедряют своё видение правил русского языка. Хотя, если уж так принципиально, то тогда уж лучше – Лишкат-хакешер – НАТИВ. Не стесняйтесь господа.

Так вот, уважаемые заграничные коллеги, их представители и сподвижники на местах. Совет. Не палитесь. НАТИВ – это и есть НАТИВ. Но если это спецслужба, то она тогда в тексте правильно и верно – НАТИВа.

Как говорят в Одессе:

– Не надо нас дурить.

Цели, задачи и средства действия этой организации полностью соответствуют задачам спецслужбы. Чего уж тут стесняться. Сбор и обработка информации легальными и нелегальными средствами.

И так, НАТИВа – это израильский НАТИВ, что сегодня означает: «Бюро по связям с еврейской диаспорой стран СНГ», ранее это было просто Бюро по связям – НАТИВ, или Лишкат-хакешер – НАТИВ. Создана в 1951 году, вместо Моссад ле—Алия Бет. (Занималась тем же, но еще и нелегальными поставками оружия, в том числе и из Чехословакии, о чём хотелось бы напомнить тем, кто забыл. Тем более когда—то в небе Израиля даже Мессершмиты-В109 летали. Русские трофейные, так сказать).

Хотя и утверждается, что эта организация – НАТИВа, лишена статуса спецслужбы в 90—х годах, но не верьте глазам и ушам своим. Её, НАТИВы сила, в дружбе с нужными людьми. Помощь им в продвижении. Тесные контакты с ними. Взаимная симпатия.

Подробности о НАТИВе можете посмотреть в многочисленных источниках. Я же все расскажу своими словами. НАТИВа занималась легальным и нелегальным сбором информации среди граждан в том числе СССР, и о гражданах СССР и соцлагеря, имеющих прямое или косвенное отношение к еврейской национальности.

Для НАТИВы интерес представляла любая информация. Нарушение прав на выезд в Израиль – это конечно важно. Но еще важнее был сбор информации через опекаемую НАТИВой диаспору любого, на выбор, характера. Научного, военного, политического.

Израилю, как государству в окружении врагов, нужны были солдаты, специалисты, ученые. Тому, кто платил, нужен был и более широкий круг знаний. В том числе из области военной и политической. В вот это, уже извините за прямоту, называется шпионаж.

НАТИВа в обмен на информацию и сотрудничество гарантировала своим подопечным во всём мире защиту и помощь. И всё это реально не только декларировалось, но предоставлялось.

Вот потому, согласитесь, брать в спецслужбу, в КГБ, активистов и подопечных НАТИВы – это было уже по меньшей мере глупо. По большому счёту и по законам спецслужб – преступно.

Поэтому вернёмся на исходную. Фильтр в Высшую школу КГБ СССР – это вовсе не национальность. Это прямое или косвенное отношение к спецслужбе чужого государства. Есть контакт – нет работы в спецслужбах.

Вот как-то так получалось. Поэтому, если ты приехал из Мухосранска СССР, куда ни НАТИВа, ни её представители, даже гипотетически дотянуться не могли, то вопрос национальности в КГБ даже не стоял. Это была зона ответственности тех, кто выбирал и организовывал проверку кандидатов и их последующий отбор.

В СССР особенно всех напрягало то, что НАТИВа в обмен на финансирование всем, чем могла, а могла она многое, делилась со своим спонсором – США. Тем всё было интересно. ЦРУ – оно всеядно.

По этому пятому пункту проверяли весьма досконально. Так мне стало известно обо всех своих предках до седьмого колена. До поступления в Высшую школу КГБ, Я по этому вопросу не просто не парился. Даже не задумывался об этом.

Зато узнал, что никого из тех, кто, даже гипотетически, ни в Краснодаре, ни в Вологде, ни в Москве и Питере (Ленинград тогда), ни в Чебаркуле, ни вообще где-либо в СССР, мог бы заинтересовать НАТИВу и попасть в её картотеку, ни в роду, ни среди родственников у меня

не было. Слишком страна велика. Зато узнал, что были те, кто в походах Ермака, Степана Разина, Ивана Болотникова участвовал. Это мне проверяющие меня на соответствие пятому пункту потом рассказали.

То-то я недоумевал, откуда у моего дедушки по наследству иранский шамшир имелся. Говорил он мне, что из походов на Персию привезли. Но тогда я слушал невнимательно. Шамшир— он и есть шамшир, или персидская (иранская) сабля. Она и сейчас у меня. Она даже в танке поехала под Москвой и на Красной Площади в 41—м. Век её рождения, то ли XVI, то ли XVII. Дедушке она от его дедушки досталась, когда тот уходил на Русско—Японскую войну 1905 года. А ему, дедушке дедушки, из зипунов и других трофеев персидского похода Разина. В общем, погуляли и они, и сабля.

Поэтому никто и не удивился потом тому, что у моего однокурсника родной брат в Израиле оказался. Национальность никого и никогда в спецслужбах не интересовала. Интернациональная это организация. Причём любая – если это действительно спецслужба.

Но работать, состоять и числиться одновременно в нескольких спецслужбах, это мове-тон. То есть неприлично. Причём всегда и везде. Не принято это. Потому не удивляйтесь, что американцы на Израиль обижаются, когда их шпионов ловят. Недоумевают американцы. Мы, мол, вам деньги платим, а вы шпионите.

– А что делать? – отвечают те. – Специфика работы. Любопытство, опять же.

Один из тридцати шести претендентов сдаст экзамены и поступит в Высшую Школу КГБ СССР. Всего один. Но даже и при таком отсеве, будут ошибки и отбора, и выбора.

Зато дальше – еще интереснее. После первичного отбора в Высшую Школу КГБ начинается самое сложное. Практически джунгли. Настоящий естественный отбор. Гонка в пять лет на выживание. Половина, если не больше, до финиша так и не дойдет. И это уже после поступления.

Глава III. Национальная психология шпионажа

Разный народ. Разная психология. Разное отношение к шпионажу. Если это так, то это явление. Его нужно изучать. Учитывать в работе. Этому нужно учиться.

Вот, например, психология китайцев. Было время, когда шла непримиримая идеологическая война. У них культурная революция и хунвейбины. У нас борьба за Мир во всём мире. Мы им, китайцам так прямо и говорим:

– Вы неправильно всё делаете.

Они нам отвечают почти тем же, но по-своему:

– Сами дураки. Переходите на сторону Китая. Мы вам каждый день гарантируем чашку риса.

Наши смеются. Китайцы не понимают. Но обижаются:

– Разве можно так, в лоб про людей правду говорить? Не порядок. Вы грубые – варвары. Какие такие важные дела с вами можно иметь?

Наконец дошло. Пригласили специалистов. По радио пошли сказки многозначительные рассказывать на Китай. В основном про животных. Тут же пошли отклики.

– Это вы про что речь ведёте? Это Вы такого-то ошибки вскрываете?

Заработала тема.

Или индонезийцы. Слово русское «товар» знаете? Так на индонезийском это означает – «пресная вода». Путешествуя по морям и океанам, они точно знали, что самое главное. За этот «товар» что угодно иногда можно было отдать.

Так вот, хотите испортить индонезийцу жизнь? Нет ничего проще. Торгует он чем-либо. Спрашивает цену. Тут же даёте, сколько он сказал, и уходите. Всё. Это катастрофа. Почему не сказал, что больше стоит? Угрызения утерянной выгоды испортят жизнь надолго.

В деле разведки и контрразведки еще более сложная картина.

Например, в Японии нет статьи уголовного наказания за шпионаж. И дело это вполне себе уважаемое. Шпион сам и можешь помогать другому. Но учти. Японцу, если он настоящий японец, следует о предложении пошпионить незамедлительно доложить вышестоящему руководству. За это его ждёт уважение и повышение по службе. Это первый знак, что начальство его недооценивает. Его знания и опыт. И рекомендацию начальство даст, чтобы не обижал уважаемых людей. Они знают к кому обращаться.

В японской разведке тоже были свои традиции и правила. Например, простой уборщик или дворник, если он в японской разведке, вполне мог оказаться по званию даже генерал.

Но вот популярная в Западном мире профессия тайного соглядатая и наёмного убийцы – ниндзя – в Японии наоборот, дело хоть и нужное, но мало уважаемое. Люди эти из низшей касты. Общаться с ними приличным людям не положено. Если что нужно, то только через посредника.

Большой вклад в своё время в изучение национальной психологии внёс русский путешественник и ученый, Миклухо—Маклай. Думаете, кого англичане в Малайзии боялись больше всего? Малайских крисов? Китайских восстаний? Охотников за головами – даяков? Вовсе нет. Орангутанов боялись – лесных людей. Аборигенов.

Рецепт яда описан в одном из томов Миклухо—Маклая. Давно не переиздавался он. Так вот. Не дай Бог белому человеку поссориться с лесными людьми.

Сумпитан (духовое ружьё), отравленная стрела с обламывающимся наконечником – и всё. Противоядия нет. Откуда придёт смерть, никто не знает. Китайцы кстати их еще больше аборигенов боялись, а малайцы дружили. Не в традиции обижать лесного человека. Он среднее что—то между человеком и духами. А духи – это обычно предки. Их сердить и обижать нельзя

ни при каких обстоятельствах. (Рекомендую перечитать Конан Дойля про Шерлока Холмса. Там тоже кое-что есть).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.